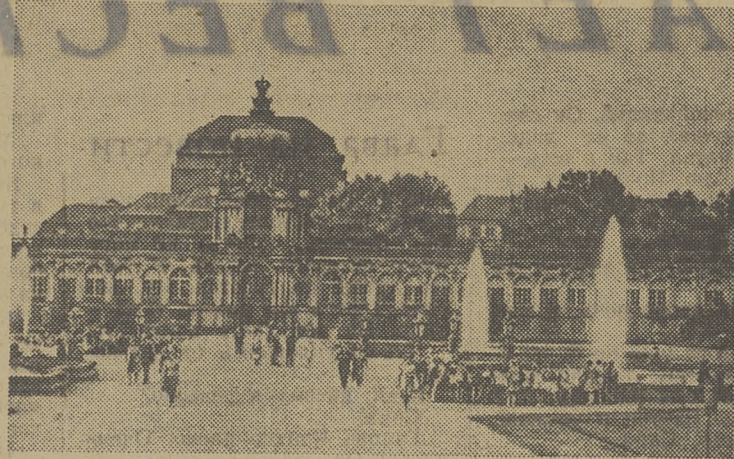
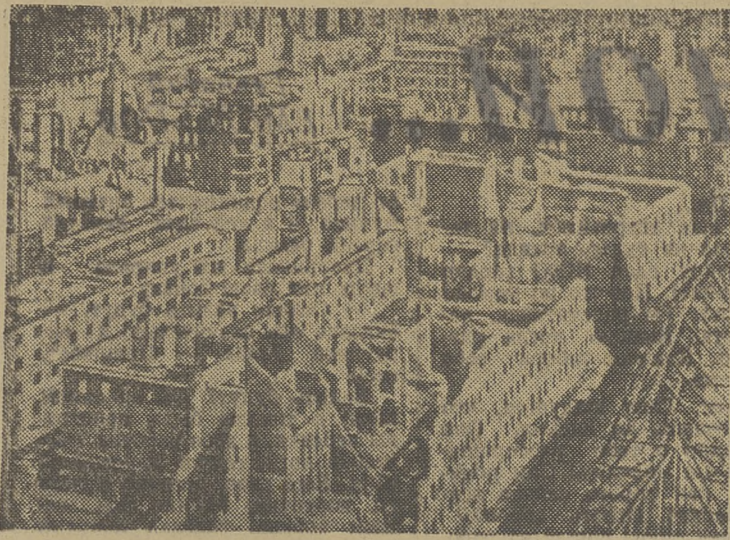

СКАЗОЧНЫЙ ФЕНИКС

Кто из нас не слышал о сказочном Фениксе, вернувшемся в мир живых из царства мертвых. Опаленный огнем, он стал еще более прекрасным. Таким представляется многим и сегодняшний Дрезден. Это случилось ровно 20 лет назад. Всего лишь 56 минут длился налет англо-американских бомбардировщиков на Дрезден в ночь с 13 на 14 февраля 1945 года. Варварский удар по неприкрытому, незащищенному городу разрушил его центр на 90 процентов. Десятки тысяч убитых от войны граждан погибли. В развалины превратился и Цвингер — одно из величайших в мире хранилищ искусств — немецкий Эрмитаж.

После освобождения города Советской Армией дрезденцы вывели из города 16 миллионов кубических метров обломков. Правительство Германской Демократической Республики, израсходовав 10 миллионов марок, восстановило и реставрировало Цвингер. А Советский Союз, войны которого раскалили и спасли от гибели спрятанные в подвалах замков бесценные полотна Джорджоне, Корреджо, Тициана, Рубенса, Гольбейна, вернул их немецкому народу.

И вот Цвингер вновь стал местом паломничества любителей искусств со всех концов мира.

К картинной галерее ведут две дороги — одна через двор Цвингера, другая через Театральную площадь. Разноязычная толпа туристов, как правило, вливается в Цвингер через площадь. И потому почти каждый хоть на минуту остановится возле ворот, где на камне, опаленном дымом пожара, разбегались стрелы, написанные мелом. Они появились здесь вскоре после бомбежки, когда в город вошли советские солдаты. Время, конечно, давно бы стерло их. Но есть слова, имеющие право на бессмертие. И строчки у входа в галерею обвел резец. Вот уже двадцать лет люди читают их: «Музей проверен. Мин нет. Проверил Ханутин».

Рядом на бронзовой доске перевод по-немецки. Неизвестно, где сейчас храбрый солдат, игравший в пустынных залах дворца в прятки со смертью. Но народ Германской Демократической Республики свято хранит память о советском войне-освободителе. Читают и задумываются над увиденным и туристы из-за океана. Им есть над чем подумать. Одни разражались, другие, рискуя жизнью, восстанавливали разрушенное.

Туристы-сибиряки, что приезжали на свидание с «Сикстинской мадонной» Рафаэля, читали эту надпись с гордостью.

Основатель первого немецкого государства рабочих и крестьян Вильгельм Пик хотел, чтобы дрезденские произведения искусств стали бы близкими всем трудящимся. Здесь черпал силы для борьбы против тех, кто предал полотно Дрезденской галереи и неповторимые сооружения культуры города на Эльбе огню и разрушению, против тех, кто сегодня бездумно готов вновь совершить подобное преступление.

НА СНИМКАХ: Вид района, в котором расположен Цвингер, после бомбардировки американскими авиационными бомбами. Цвингера сегодня. Туристы томятся у «Сикстинской мадонны». А. КУЗИН. Фото автора.

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ
Томск.
Тов. Чернышова.
Ваше письмо, в котором вы рассказали о грубости шофера пассажирского автобуса № 37-48. Зезюли и кондуктора тов. Ворникова, было рассмотрено работниками областного управления.

Начальник отдела пассажирских перевозок Томского автоуправления тов. Старобакшин сообщил, что факты подтверждены, грубияны наказаны. Шофер Зезюла строго предупрежден. Кондуктор Ворникова, не раз грубиянствовал пассажирам и нарушал трудовую дисциплину, из автохозяйства уволен.

Томск.
Тов. Мильцевской.
Вы справедливо были возмущены невинным отношением врача железнодорожной больницы ст. Томск-II тов. Мосной к вам и вашей заботливой дочке. Как нам сообщила начальник больницы тов. Дмитриева, врачу Мосной объявлен выговор.

Томск.
Тов. Зайцева.
17 января билетный кассир станции Томск-II тов. Борисова обманула вас на 2 рубля. Вы написали об этом в редакцию, а также сообщили, что помощник начальника вокзала тов. Кузьмина, которую вы попросили расследовать этот случай, невинительно отнеслась к вам.

Начальник станции тов. Алтухов сообщил, что виновные наказаны. За обман пассажира билетного кассира тов. Борисовой объявлен строгий выговор. Дежурному помощнику начальника вокзала тов. Кузьмину за нераспорядительность в расследовании жалоб объявлен выговор, старшему билетному кассиру тов. Нестеровой сделано замечание.

В НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРИЕМНОЙ
Общественная приемная работает в редакции газеты «Красное знамя» (проспект имени Ленина, 63), в кабинете № 15 по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам.

Прием ведут члены совета общественной приемной, работники областных и городских организаций. В очередную неделю прием ведут:

15 февраля, в понедельник, с 16 до 19 часов, — народный судья Кировского района М. И. Швед.

16 февраля, во вторник, с 10 до 13 часов, — главный врач городской санитарно-эпидемиологической станции Г. Е. Танасейчук.

18 февраля, в четверг, с 16 до 19 часов, — начальник паспортного отдела управления охраны общественного порядка Томского облисполкома Д. И. Яковлев.

19 февраля, в пятницу, с 10 до 13 часов, — главный инженер горкомхоза О. Б. Нифонтов.

Спорт

МЯЧ В ИГРЕ

Вчера в Томске начались зональные соревнования первенства РСФСР по хоккею с мячом. В соревнованиях принимают участие восемь команд: Тувинской АССР, Красноярского края, Иркутской (г. Ангарск), Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Встречи проходят на стадионах «Труд» и «Красная фабрика». Вчера состоялись три встречи. Вот их результаты: Томск-Новосибирск — 4:0; Тува-Красноярск — 0:1; Кураган-Кемерово — 2:7. Сегодня на стадионе «Труд» в 11.00 — парад участников и встречи: Кемерово-Новосибирск, Омск-Ангарск (стадион «Труд») и Томск-Красноярск (стадион карандашной фабрики).

НАУКА ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ ДЕЛУ МИРА

Зарубежная печать об итогах визита делегации Советского Союза в ДРВ

Американская военщина играет с огнем

Лекция советского ученого в ООН

НЬЮ-ЙОРК, 12 февраля. (ТАСС). Вице-президент Академии наук СССР М. Д. Миллиончиков по приглашению генерального секретаря У Тана выступил вчера в Организации Объединенных Наций с лекцией «Наука должна служить делу мира».

Представляя делегацию Генеральной Ассамблеи и состав видного советского ученого, У Тан подчеркнул, что в серии лекций, посвященных Году международного сотрудничества, от Советского Союза не случайно выступают представители науки. В Советском Союзе, сказал У Тан, наука и ученые всегда энергично поощрялись. Не только были богаты вознаграждения: об этом свидетельствуют достижения космонавтики, которые мы имеем честь и удовольствие принимать здесь, в Организации Объединенных Наций.

Академик Миллиончиков говорил о благородной роли, которую может и должна сыграть наука в борьбе против нищеты, голода и болезней, в избавлении человечества от угрозы ядерного уничтожения. Он призвал ученых и общественных деятелей всех стран разработать согласованную программу обеспечения международной безопасности и провести Международный год подготовки разоружения.

Лекция советского ученого вызвала большой интерес делегатов и гостей.

Съезд социалистической партии Окинавы

ТОКИО, 13 февраля. (ТАСС). По сообщениям с Окинавы, в Наха состоялся очередной съезд социалистической партии Окинавы. Съезд обсудил итоги деятельности партии за прошлый год и утвердил ее политический курс на нынешний год. Центральная задача партии является расширение борьбы за

Вылазка ультраправых

ВАШИНГТОН, 12 февраля. Местные ультраправые молодежные организации устроили вчера неподалеку от здания посольства СССР демонстрацию. Участники демонстрации носили плакаты, на которых были написаны антисоветские лозунги.

Подкрепления интервентам

НЬЮ-ЙОРК, 12 февраля. (ТАСС). Как сообщает из Сайгона газета «Нью-Йорк дейли ньюс», Соединенные Штаты готовят политическую и военную помощь Вьетнам 1.500 солдат. Численность американского персонала таким образом достигнет там 25 тысяч человек.

Против дезинформации и клеветы

Повсюду в мире люди встревожены вестями из Бонна. Генералы бундсвера разработали план создания «атомного минного пояса» на границе между ФРГ и ее восточными соседями — ГДР и ЧССР. Этот план может стоить жизни десяткам миллионов не в чем повинных людей. Он вызывает решительные протесты не только официальных представителей в общественности соседних с ФРГ государств, но и всех разумных людей в самой Западной Германии. Большинство западногерманских газет также выступают против безумного плана, называя его планом национального самоубий-

В духе братства и взаимопонимания

ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Подобно излагая совместное советско-вьетнамское заявление, чехословацкие газеты пишут в заголовках: «Задача дня: усилить борьбу за мир». «Вооруженные акции США — провокация против всего социалистического лагеря», «Советский Союз предоставит помощь ДРВ». «Новый шаг в упрочении единства».

Как подчеркивает «Руде право», Советский Союз и Демократическая Республика Вьетнам подтвердили верность ленинским принципам внешней политики. Первоочередной задачей современности, отмечает газета, является укрепление единства и сплоченности социалистического лагеря и международного коммунистического движения.

ПОЛЬША
Документом большой важности называют «Трибуна людей» совместное советско-вьетнамское заявление. В комментарии газета пишет: То, что сказано в этом документе, отвечает мыслям и чувствам всех трудящихся. В заявлении, подчеркивает «Трибуна людей», выражено единство взглядов обеих стран на основные проблемы международного положения, международного рабочего движения и Юго-Восточной Азии, заявлен решительный протест против провокации империализма, сказано решительное слово в защиту мира.

БОЛГАРИЯ

Визит в ДРВ советской делегации и подписанные в Ханое заяв-

ление, пишет «Земедельско знаме», вновь подтвердили непоколебимую готовность Советского Союза оккупировать свой интернациональный долг по обеспечению безопасности вьетнамского народа. Переговоры между двумя делегациями, проходившие в духе подлинного братства и взаимопонимания, являются свидетельством нерушимых связей, укрепления единства и сплоченности социалистического лагеря в общей борьбе за мир, демократию и социализм.

ГДР

«Нейес Дейчланд» и «Берлинер цейтунг» публикуют подробное изложение заявления, выделяя те места, где говорится, что оба правительства решительно осуждают агрессивные действия США как несоместимые с международным правом и Женевским соглашением 1954 года, что правительство Советского Союза окажет ДРВ необходимую помощь и поддержку.

«Берлинер цейтунг» подчеркивает единодушную волю правительств СССР и ДРВ неустойно бороться за укрепление сплоченности между братскими социалистическими странами на основе марксизма-ленинизма и принципов пролетарского интернационализма.

КУБА

Кубинские газеты, помещая текст заявления, предпосылают

ему огромные заголовки через всю первую полосу, подчеркивая решимость Советского Союза оккупировать Демократическую Республику Вьетнам необходимой помощью и поддержкой.

Газета «Ой» отмечает, что дружба и сотрудничество между СССР и ДРВ будут и впредь крепнуть и развиваться. Газета подчеркивает слова Председателя Совета Министров СССР о том, что переговоры во вьетнамской столице явились вкладом в укрепление и сплочение социалистического лагеря.

РУМЫНИЯ

Советское правительство, пишет «Синтея», подтвердило, что не останется безразличным в деле обеспечения безопасности братских социалистических стран и окажет Демократической Республике Вьетнам необходимую помощь и поддержку.

Румынские газеты приводят заключительные слова заявления о том, что единство и сплоченность социалистического лагеря и международного коммунистического движения являются непременным условием для обеспечения победы рабочего класса и всех народов в борьбе с общим врагом — империализмом, за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

(ТАСС).

КОГДА ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

ТОКИО, 12 февраля. Корр. ТАСС А. Бирюков сообщает:

В парламенте Японии разгорелся скандал. Достигшим гласности стали секретные документы военного ведомства, связанные с разработанным японскими офицерами планом передела страны на военные районы в случае «агрессии» против Южной Кореи.

Депутаты социалистической партии настаивают на предоставлении правительством парламенту всей документации, касающейся этого плана. Они требуют также назвать лиц, ответственных за составление плана военного сотрудничества Японии с США и Южной Кореей, и приложить эти лица к суровому наказанию. План, разработанный японскими штабными офицерами и одобренный в японском парламенте, носит название «Операция трех стрел».

В местных демократических кругах его рассматривают как одно из свидетельств усилившейся определенности кругов США, Японии и Южной Кореи создать давно лелеваемый план НЕАТО. Как явствует из этого плана, «трех стрелами» как раз и являются вооруженные силы этих

трех стран. А по тому, куда должны полететь эти стрелы в соответствии с планами военных спецслужб, ясно, что блок сколачивается отнюдь не с мирными намерениями.

«Разработанный руководством управления национальной обороны, — заявила социалистическая партия Японии, — фактически является подготовкой перевертута для возрождения военного правления. Его цели аналогичны целям пиндента 26 февраля 1936 года (военно-фашистский путч «молодых офицеров» — Прим. ред.). Совершенно ясно, — заявляет СПЯ, — что официальные лица управления национальной обороны намерены восстановить прежнюю войну».

«Данный вопрос — дело не одной партии или группы, — подчеркивают социалисты. — Это дело всего народа. Мы хотим решительно расследовать это зло и вырвать его корни».

Весьма своеобразно среагировали на скандал в парламенте некоторые японские должностные лица. На заседании парламентских заместителей министров было принято решение о необходимости разработки законопроекта по охране государственной тайны. Однако, по мнению, что политика тема весьма деликатна, генеральный секретарь кабинета министров Японии Хасигата поспешил объявить на пресс-конференции, что правительство и не думает разрабатывать подобные законопроекты.

Против агрессии США

Правительство Демократической Республики Вьетнам решительно осудило новые налеты американской авиации на территорию республики и заявило протест, сообщает агентство ВНА.

Новый акт войны империализма США против ДРВ означает крайне серьезное нарушение самых элементарных норм международного права и положений Женевских соглашений 1954 года, говорится в заявлении правительства ДРВ.

В свете особо серьезного положения, которое сейчас возникло, правительство ДРВ вновь решительно осуждает перед лицом миролюбивых правительств народов всего мира всевозможные акты агрессии, к которым прибегают воинствующие империалисты США, и требует, чтобы они немедленно прекратили подобные действия.

Секретариат Всемирной федерации профсоюзов обратился ко всем трудящимся и профессионалам с призывом, в котором решительно осуждается империализм против Вьетнама и Юго-Восточной Азии. Пиратские нападения на территорию Демократической Республики Вьетнам, говорится в этом документе, являются новым преступлением американского империализма.

ВФП призывает трудящихся и профсоюзы решительно требовать и проводить прекращение агрессии против ДРВ. Вьетнам, прекращением «незаконной» войны в Юго-Восточной Азии, вывода американских войск и военной техники из этой страны, ускорения и строгого соблюдения Женевских соглашений 1954 года по прекращению огня, подписание Женевских соглашений.

ВФП призывает трудящихся усилить деятельность, широко развивать движение международной солидарности и сорвать военные планы американского правительства.

Правительство Польской Народной Республики опубликовало заявление, в котором решительно осуждает вооруженные акции Соединенных Штатов, направленные против Демократической Республики Вьетнам, как и продолжающуюся уже много лет вооруженную интервенцию американцев в Юго-Восточной Азии.

Польская Народная Республика, говорится в заявлении, как и все социалистические страны и другие государства, проводит политику мира, солидаризуется со справедливой борьбой вьетнамского народа за независимость, свободу и мир.

С заявлением по поводу агрессивных действий США против Демократической Республики Вьетнам выступило правительство Румынской Народной Республики.

Со всей решительностью правительство РНР поддерживает справедливое требование, содержащееся в заявлении правительства ДРВ от 8 февраля с. г., и считает настоящим долгом человечества, что правительство США немедленно прекратит агрессивные действия.

Потери стервятников

ХАНОИ, 13 февраля. (ТАСС). По последним данным, 11 февраля, во время налета американской авиации на территорию северного Вьетнама, огнем зенитной артиллерии Народной армии Вьетнама сбито 9 самолетов, а не 7, как ранее указывалось. Таким образом, на три дня — 7, 8 и 11 февраля было сбито в общей сложности 22 американских и южно-вьетнамских самолета и много повреждено.

торопились. Едва только непрошенные гости убрались восвояси, служащие музея бросились в дом и вместе с подоспевшими красноармейцами спасли его от занимавшегося пожара.

Итак, все ясно. «Шпигель» беспардонно лжет, взваливая на советских людей неведение и чудовищное обвинение. Это ему нужно, чтобы снять с него ответственность за преступления, нашедшие убежище в Западной Германии, вину за злодеяния в Ясной Поляне.

Но только ли для этого? Думаешь, что нет. Ведь эта история очень смахивает на попытку заранее оправдать те преступления, которые готовятся авторами всевозможных атомных и реваншистских планов.

В. БОЕВ. (АПН).

Двуликий «Шпигель»

Каждая книга библиотеки Толстого, каждый предмет обихода его семьи любовно сохраняются служащими и научными сотрудниками музея. Здесь как-то особенная обстановка, так хорошо знакома по произведениям великого писателя, прочитанным еще в детстве. И все экспонаты в этом музее подлинны — все, — двух книжных шкафов и одной книжной полки. Где же они? В последние минуты своего пребывания в Ясной Поляне их притащили в трех комнатах верхнего этажа те самые «любопытные» оккупанты, о которых упоминает журнал «Шпигель».

Эти слова принадлежат Николаю Павловичу Пузину, близкому другу семьи Толстых, хранителю дома-музея в Ясной Поляне. Вместе с ним, уже немолчим человеком, мы осматриваем по-прежнему святыню не только русской национальной, но и мировой культуры.

Чтобы проверить на месте брошенное записное задание, журналом обвинение. И вот результат: «Это — возмутительная ложь. Я знаю, что наши русские бойцы, наши красноармейцы при отступлении из Ясной Поляны не закладывали никаких мин ни на территории бывшей усадьбы Льва Николаевича Толстого, ни тем более на его могиле».

Эти слова принадлежат Николаю Павловичу Пузину, близкому другу семьи Толстых, хранителю дома-музея в Ясной Поляне. Вместе с ним, уже немолчим человеком, мы осматриваем по-прежнему святыню не только русской национальной, но и мировой культуры.

Чтобы проверить на месте брошенное записное задание, журналом обвинение. И вот результат: «Это — возмутительная ложь. Я знаю, что наши русские бойцы, наши красноармейцы при отступлении из Ясной Поляны не закладывали никаких мин ни на территории бывшей усадьбы Льва Николаевича Толстого, ни тем более на его могиле».

Эти слова принадлежат Николаю Павловичу Пузину, близкому другу семьи Толстых, хранителю дома-музея в Ясной Поляне. Вместе с ним, уже немолчим человеком, мы осматриваем по-прежнему святыню не только русской национальной, но и мировой культуры.

У нас в гостях "Огни Кузбасса"

Альманах "Огни Кузбасса" давно завоевал признание читателей Кемеровской области. Первый номер альманаха вышел в 1949 году. На его страницах впервые были опубликованы произведения выдающихся кузнецких писателей, получивших Государственную премию и завоевавших читателей не только в нашей стране. В альманахе "Огни Кузбасса" были напечатаны произведения известного писателя Геннадия Мосалова — роман "Голубые огни" и повесть "К свету". Путешествие в большую литературу для альманаха писателям и поэтам Владимиру Сапожникову, Виталию Разлову, Михаилу Небогатову и другим.

Давние хорошие традиции большой и искренней дружбы союзов писателей Кузнецкой области с литературными кругами Томска. Сейчас мы намерены широко привлечь томичей к участию в нашем альманахе с тем, чтобы в ближайшее время перейти к его объединенному изданию. В первом номере нынешнего года будут опубликованы стихи Василия Леонова и Василия Кивацеева, рассказ Леонида Гартмана.

На этой странице вы познакомитесь с открытками и отрывками произведений, которые будут опубликованы в первом номере нынешнего года.

Евг. БУРАВЛЕВ,
редактор альманаха "Огни Кузбасса".

Мих. НЕБОГАТОВ

ЗА ЧЕРТОЙ

Нужна черты какой-то нить,
Итог какой-то нужен,
Чтоб человека оценить,
С которым годы дружен.

Пона ты рядом с ним идешь
Среди лучей и тучек,
Он и не плох и не хорош,
Он просто твой попутчик.

Не придишись его словам
Особого значения,
Порой даже скажешь вам
От частого общения.

Расстались — что тут горевать,
Проходят дни в надежде
На то, что встретится опять,
Все будет так, как прежде.

...Но вот не стало вдруг его.
И горю нет названья.
Не будет больше ничего —
Ни восточ, ни расставанья.

И видишь ты, простоя навек,
Под горной горю ношей,
Кажется этот человек
Был славный и хороший!

Что раньше было трн-трава,
Сегодня сердце свято.
Припоминаешь все слова,
Что он сказал когда-то.

И не можешь сам себе простить,
Раскисая запоздало.

В. ФЕСЕНКО

АБСТРАКЦИОНИЗМ И РЕАЛЬНОСТЬ

Изобразив
Шербатый диск луны,
А в центре — глаз
И по бокам — два носа,
Художник подписав:
"Портрет жены",
Чтоб избежать банального
вопроса.
Жена же, оскорбленная
холстом,
И будучи не робюю при этом,
Так работала
Над мужниным лицом,
Что стал тот холст
Его
Автопортретом.

Олег ПАВЛОВСКИЙ

ПОКА НЕ ОБЪЯВИЛИ ПОСАДКУ... РАССКАЗ

СЕЙЧАС пять часов двадцать минут.
Ровно в шесть часов мы тутанно, поплывет, разом-
ещенные в форме, и горю что покажется мажонским, спл-
ченным кораблем, случайно оброненным незадачливым, путни-
ком на овражной тропинке.

Корабль не продвигается долго. Он станет едва различимой,
серой на зеленом кафельной. А кафельная, словно убоавшись воз-
можной на нее откровенности, задрожит и растворится в
призрачном мареве. Будто и не существовала вовсе.

Потом будут еще коробики и капельки, будут тяжелая вата
облаков и необыкновенной прозрачности едкого неба, како-
го никогда не увидишь отсюда, с земли, будут хорошенкая
ствоардесса и сонливый сосед-пассажир. Но до всего этого мне
станет никакого дела. Я знаю: лишь только сейчас самолета от-
крутятся от взлетной полосы, мысленно я уже прибуду домой.

Они не опоздают, мои друзья. Я узнаю их еще сверху. Обяза-
тельно узнаю среди многолюдной толпы встречающих... Я так
давно их не видел — целых два недела! А они, не дав опом-
ниться, затаскают мое утомленное тело, измажут губной пома-
дой щеки, вольнут в душевные такси.

— Ну как? Да не тужи, рассказывай...
— Твистачем-свистачем разучил?
— Сладкую жизнь? Посмотрел?
— Погоди ты со сладкой жизнью... Как там с точки зрения
войны и мира?
— Газетки, мальчик, читать нужно. Третью полосу... Скажи
лучше, правда ли...
А Ленка, до невероятности серьезная очкастая Ленка, —
наш кибернетический бог, не удержится, чтоб не шепнуть еще
по дороге к дому: «Я скачала по тебе. Хотела даже запрограмми-
ровать и вычислить вероятность смерти от скуки. Впрочем,
можешь не верить». Чудачка, эта Ленка!

Первые дни работать как следует мне не дадут. Заведующий
культбюджетом цехом попытается расширить за мой счет
куций план оргмероприятий. Меньше как тремя лекциями от не-
е не отделиться. Три лекции — три галочки! Ответственный сек-
ретарь многоглаголющая вкупе с редактором поочередно станут до-
нимать меня, вынуждая серьезно энциклопедически правиль-
ные и евангельские скучные путевые очерки. По три с полови-
ной страницы на машинке через два интервала... Ни одна ф-
рист с нашего завода не избавил подобной участи, а мне не из-
бежать и подовать: я первый из заводских побывал в этом не-
очень большом, но и не очень маленьком, «свободном», но не
очень европейском городке.

До отлета сорок минут...

ЛЕД ТАЕТ ВЕСНОЙ...

Геннадий
ЕМЕЛЬЯНОВ

Стенания Иванова взяла с
подкопкой, и подала
мне. Ключ был обломан, хо-
лодный и не грелся в ладони.
Стенания Иванова сказала,
что за этот месяц, пока я ски-
нулся по командировкам, мно-
го изменилось, и теперь в ко-
мнате она одна. А Вася уехал и
просил передать ключ от своей
квартиры. Остальное не ее де-
ло.

Я не хотел ни о чем спраши-
вать — боялся и не верил, что
его уже никогда не будет ря-
дом.

— И записки не оставил?
Машинистка равнодушно по-
казала плечами: ничего не оста-
вил.

«Как же беда страдала?»
Васиню стола не было. На то-
м месте валялись карандаш и
пустой листок бумаги. Я пул
бумагу, и она косо порхнула в
угол.

— Когда уехал?
— Да уж с неделю, поди...
Ладно. Спасибо.

Я отгорюю, точно за по-
роком, иду к тому, кто жи-
вой, вошел в пустую. Скрипе-
ла форточка. Под вешалкой на
одной кнопке висела газета,
она поднималась и опускала,
пушала о стену. В коридоре
валялись спотыкающие сапоги и
брезентовые рукавицы.

В комнате было зябко. Из
открытой форточки намело
крутую горку снега.

Запущенные, беспорядок.
Он, видно, сильно торопился,
если оставил занавески на ок-
нах, постель, книги.

Я встал на стул, закрыл фор-
точку и огляделся. На тумбоч-
ке лежала синяя тетрадь, при-

давленная пепельницей. Он спе-
циально положил ее на виду,
чтобы я заметил. Так и есть —
это мое письмо. Пощерк его да-
вался туго и читал я, наверно,
долго.

«Сема-Семан!»
Ты не сердись на меня и не
осуждай.

Пшшу. На дворе ночь, и мне
одиноко.

Завтра этого уже не будет —
стройный, хлопоты, тысячи мел-
ких дел, которые никогда не
переделаются. Завтра я уезжаю.

Вот ведь как, Сема...
Были тут неприятности по
работе. Меня все учат, а проку
нет и нет. И получается не
совсем понятная вещь: что им
(старшим и мудрым) кажется
сложным, я считаю простым;

Я уезжаю. Завтра останется
добрый кусок души: ссоры с
вами, успел привыкнуть к
мысли, что по-другому и не жи-
вешь. Ты, пожалуйста, не улы-
байся со снисходительностью
бывалого, как ты умеешь: спор
наш не закончен, и я тебе, по-
моху, ничего не докажу.

Я по-прежнему стою на своем: не
до удивляться! Помини стих,
который я читал тебе в машине:
«Нивем — не удивляемся вес-
не. Нивем — и наши души не
равним»... Ты где-то в самой
сердцевине добрый человек, но
боишься проявить себя без ог-
лядки, чтобы тебя не сочли на-

давленным пепельницей. Он спе-
циально положил ее на виду,
чтобы я заметил. Так и есть —
это мое письмо. Пощерк его да-
вался туго и читал я, наверно,
долго.

«Сема-Семан!»
Ты не сердись на меня и не
осуждай.

Пшшу. На дворе ночь, и мне
одиноко.

Завтра этого уже не будет —
стройный, хлопоты, тысячи мел-
ких дел, которые никогда не
переделаются. Завтра я уезжаю.

Вот ведь как, Сема...
Были тут неприятности по
работе. Меня все учат, а проку
нет и нет. И получается не
совсем понятная вещь: что им
(старшим и мудрым) кажется
сложным, я считаю простым;

Я уезжаю. Завтра останется
добрый кусок души: ссоры с
вами, успел привыкнуть к
мысли, что по-другому и не жи-
вешь. Ты, пожалуйста, не улы-
байся со снисходительностью
бывалого, как ты умеешь: спор
наш не закончен, и я тебе, по-
моху, ничего не докажу.

Я по-прежнему стою на своем: не
до удивляться! Помини стих,
который я читал тебе в машине:
«Нивем — не удивляемся вес-
не. Нивем — и наши души не
равним»... Ты где-то в самой
сердцевине добрый человек, но
боишься проявить себя без ог-
лядки, чтобы тебя не сочли на-

Глава из повести

Иванов. Ты не один такой, чер-
тский по обстоятельствам, что
ли... Видишь, опять не могу
точно выразить мысль. У тебя
это лучше получается. Ну, ко-
рооче, свет в нас самих, тьма —
тоже. Не дай свету погаснуть!
Что-то уклоняюсь от главно-
го.

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она
разыскала меня, причалялась
слезом с покаянием, а я упер-
ся, как осел. Но ведь я люблю
ее. Делал Любим, Любим...
Куржались. Почему мы такие,
а? Остальное ты знаешь.

На коммутаторе уже гаснут
окна. Мне не спится. Я хорошо
представляю, как ты являешься
оживленный такой, в нашу ко-
мнату, и Стенания Иванова с
построй улыбкой подает тебе

Итак, почему я уезжаю?
Сема!

Галина Ключко плохо. Очень
плохо! Она все не может хо-
дить, ее возят в коляске. Вра-
чи обещают улучшение только
после серьезной операции.

Спрашивает у меня совета, я
ей написал, чтобы соглаша-
лась на риск велик, зато есть и
надежда. Поэтому я не могу
идти и должен поехать в Мос-
кву. Я виноват перед ней, Се-
ма! Видишь ли, мы давно знако-
мы и хотели еще год назад по-
жениться, да разошлись. Об
этом долго распространяться не
стоит, да и вряд ли это тебе
будет интересно. Только, ко-
нечно, уж не мелочи, встала
между нами. И я был прав то-
гда, давно. Свадьба расстро-
илась, и я забрался сюда, чтобы
поработать все окончательно. Она